
М. А. Хрусталеv

ЭТНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАРТИНА ЮЖНОГО ФЛАНГА СНГ

В состав южного фланга СНГ входят восемь бывших союзных республик, которые после распада СССР стали независимыми государствами. Геополитически он делится на два региона: Закавказье и Центральную Азию. В первом три страны (Азербайджан, Армения и Грузия), а во втором — пять (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан). Несмотря на географическую близость, каждый из регионов обладает весьма серьезной спецификой, что диктует необходимость отдельного рассмотрения положения в каждом из них.

Закавказье

Уникальность геополитического положения региона Закавказья заключается в том, что он представляет собой замкнутый с трех сторон анклав. На севере он закрыт Главным Кавказским хребтом, зимой практически не проходимым, а с Запада и Востока — омывается Черным и Каспийским морями. Только с Юга он открыт, и именно это обстоятельство до включения Закавказья в состав Российской империи предопределяло историческую судьбу населявших его народов. Регион на протяжении почти двух тысячелетий был ареной ожесточенной борьбы его мощных южных соседей: Рима и Персии, Византии и Арабского халифата и, наконец, Османской империи и Ирана. В этих двух последних случаях борьба за Закавказье имела достаточно ярко выраженную конфессиональную окраску. В первом случае это была конфронтация христианства с исламом, а во втором — внутри ислама между сунитами и шиитами.

Конфессиональная окраска вооруженной борьбы зачастую придавала ей особую жестокость и ожесточенность. Причем в наибольшей степени от бесконечных войн южных соседей страдали коренные народы Закавказья — армяне и грузины. На протяжении шести веков они были вынуждены непрерывно балансировать на грани выживания. Наиболее трагичной была судьба армянского народа.

Последний страшный удар армянский этнос получил в ходе Первой мировой войны, когда его часть, которая проживала на территории Османской империи, была фактически уничтожена. По приказу правительства младотурок, претендовавших на цивилизованность, была проведена чудовищная по своим последствиям кампания по геноциду армян. Из 2,5 млн человек 1,5 млн было убито, 600 тыс. — переселено в непригодные

для жизни районы Месопотамии, где подавляющее большинство их умерло, и только 300 тыс. человек удалось спастись¹. Армянский народ потерял и область своего этногенеза (Родину) — Восточную Анатолию, которая была заселена турками и курдами. Отряды этих последних отличались особой жестокостью при уничтожении армян.

В истории человечества геноцид армян в 1915–1916 годах был первой этнической чисткой гигантского масштаба и по своим масштабам (было уничтожено 50% армянского этноса) сравним с холокостом (уничтожением евреев немецким фашизмом). Однако, если организаторы холокоста понесли заслуженное наказание, а правительство ФРГ признало вину немецкого народа и принесло извинения, то Турция до сих пор этого не сделала.

Не удивительно, что в исторической памяти армянского народа запечатлелся образ турок как страшного этнического врага. Поскольку турки и азербайджанцы являются близкородственными народами, произошедшими от тюркских (туркменских) кочевых племен, то нет ничего удивительного в том, что в массовом сознании произошло их отождествление.

Негативное отношение к азербайджанцам постоянно подкреплялось в ходе бесконечных набегов и войн, которые прекратились только после включения Закавказья в состав Российской империи. Ее развал и образование в Закавказье трех независимых республик — Грузинской, Армянской и Азербайджанской — сразу же вылились в армяно-азербайджанскую войну 1919–1920 гг., в ходе которой территория Азербайджана была разделена на две части так называемым «Мегринским коридором». От основной части территории Азербайджана ее западная часть — Нахичевань — оказалась полностью изолированной. Только начало армяно-турецкой войны 1920 г. спасло Азербайджан от новых территориальных потерь. Турция пришла к нему на помощь.

Армяно-турецкая война закончилась поражением армянской армии. В результате Турция аннексировала целый ряд западных областей Армении. Приход Красной Армии спас Армению от новых потерь, но свои приобретения на Востоке она сохранила, что не могло не вызывать обострения армяно-азербайджанских отношений.

Установление советской власти в Закавказье заморозило армяно-азербайджанскую конфронтацию, но не смогло устранить ее. Более того, решение советского правительства о национальном размежевании в СССР, в соответствии с которым Нагорный Карабах, населенный по преимуществу армянами, был включен в состав Азербайджанской ССР, было воспринято армянами как потеря еще одной части их исконной территории. Естественно, борьба за его возвращение стала квалифицироваться как борьба за спасение Родины. В этническом сознании армян борьба за Нагорный Карабах (Арцах) была своего рода «священной войной».

Пока союзный Центр был достаточно силен и жестко, а иногда и жестоко, подавлял все проявления этнической враждебности, армяно-азербайджанская конфронтация, несмотря на отдельные вспышки, оставалась

¹ Большая советская энциклопедия. Т. 2. М., 1970. С. 215.

латентной. В какой-то степени союзному Центру удалось даже снизить уровень этнической враждебности, что привело к формированию крупной армянской диаспоры в Азербайджане и значительной азербайджанской в Армении. Это было результатом политики индустриализации, проводимой союзным Центром.

Однако к началу 1970-х гг. явно наметился спад процесса индустриализации ввиду очевидного сокращения ресурсов союзного Центра, а затем начался социально-экономический кризис, который все больше и больше углублялся. Сопровождавшая его быстрая дискредитация коммунистической идеологии способствовала возрождению межэтнической враждебности и росту национализма. Этому последнему в немалой степени способствовала грубейшая ошибка союзного Центра, объявившего о создании «новой исторической общности — советского народа». Это было свидетельством полной утраты советской правящей элитой чувства реальности.

В 1982 г., в дни празднования 60-летия образования СССР, было объявлено, что «единый советский народ» уже сформировался. Продолжавшаяся несколько лет кампания по его созданию якобы увенчалась «новым историческим достижением», а на деле она вызвала лишь взрыв националистических настроений. Особенно мощным он оказался в Грузии и Азербайджане, где его возглавила интеллигенция, а точнее, та ее часть, которая наиболее тесно связана с этнической культурой. Она стала усиленно насаждать ксенофобию и антирусские настроения, которые в Грузии приняли истерическую форму. И это несмотря на то, что само выживание грузинского этноса было обеспечено прежде всего его вхождением в состав Российской империи. Оно означало перелом в его трагической судьбе, благодаря которому он избежал геноцида.

Учитывая исторический опыт, армянская интеллигенция заняла значительно более умеренную позицию, сконцентрировав все свое внимание на проблеме Нагорного Карабаха. Антирусские настроения в Армении хотя и появились, но объективно не могли получить широкой массовой поддержки, поскольку память о геноциде была еще слишком свежа. Немалую роль в этом плане играла и позиция многочисленной и весьма влиятельной армянской диаспоры в России (РСФСР), которая не могла допустить развития антирусских настроений.

Перестройка, представлявшая собой не что иное, как запоздалую попытку правящей элиты СССР осуществить реформирование советской системы сверху, завершилась неудачей и развалом страны. Ему предшествовала потеря союзным Центром контроля за политической ситуацией в республиках Закавказья. Предпринятые в 1990 г. попытки подавить с помощью вооруженной силы националистические движения в Грузии и Азербайджане, в конечном счете, успехом не увенчались.

После ликвидации СССР в Закавказье вновь возникли три новых государства, то есть в известном смысле восстановилась та политическая ситуация, которая существовала там в 1918–1920 гг. Вновь началась и армяно-азербайджанская война, которая, как и тогда, завершилась военным поражением Азербайджана и потерей им еще части своей территории, оккупированной армянскими войсками (формально армией Нагорного

Карабаха). Попытка Турции оказать военное давление на Армению была пресечена жесткой позицией России.

Поражение в этой войне стоило Азербайджану не только фактической потери значительной части территории, но появления огромной массы беженцев и вынужденных переселенцев (в 1998 г. — около 850 тыс. человек, более 10% населения)¹. Армянская диаспора в Азербайджане и азербайджанская в Армении были полностью ликвидированы, то есть усилия союзного Центра по налаживанию сосуществования двух этих этносов были сведены на нет.

Процесс индустриализации Закавказья осуществлялся в основном русской (точнее, конечно, русскоязычной) диаспорой. Первая стадия данного процесса — создание нефтяной промышленности Азербайджана в конце XIX века — была обеспечена массовой миграцией рабочей силы из России и Украины. С 1886 г. — начало нефтедобычи — по 1913 г. в Азербайджан прибыло более 350 тыс. человек². В своем подавляющем большинстве это были рабочие и члены их семей. В советский период русская диаспора в Азербайджане практически стагнировала (согласно переписи 1989 г. в Азербайджане проживало 392 тыс. русских)³. С конца 1970-х гг. под давлением прежде всего бытового национализма начался отток русскоязычного населения. После развала СССР он принял обвальнй характер. В 2000 г. численность русской диаспоры сократилась до 120 тыс. человек по самым оптимистичным оценкам.

Аналогичной была и судьба русской диаспоры в Грузии, где ее формирование началось несколько позже, в основном в советское время. Своей максимальной численности (ок. 400 тыс. человек) она достигла к середине 1960-х гг., а затем началось ее сокращение в силу тех же причин, что и в Азербайджане. К 2000 г. в Грузии осталось не более 100 тыс. русских (без учета Абхазии). Что касается Армении, то там проблема русской диаспоры вообще не стояла ввиду ее малочисленности (немного более 50 тыс. человек согласно переписи населения 1989 г.).

Ликвидация русской диаспоры была одной из стратегических целей националистических движений, наиболее радикально настроенные лидеры которых в Грузии (З.Гамсахурдия) и Азербайджана (А.Эльчибей) выдвинули тезис о необходимости создания моноэтнического государства. З.Гамсахурдия открыто выдвинул лозунг «Грузия — для грузин». А.Эльчибей высказывался в том же духе, хотя по форме более гибко.

В отличие от них руководители Армении избегали каких-либо громких публичных заявлений, но зато последовательно проводили курс на создание моноэтнического армянского государства. В 1970-е и особенно 1980-е годы он приобрел строгие очертания. Формирование русской диаспоры было умело и в мягкой форме блокировано, а остальные иноэтнические элементы постепенно вытеснялись. Финалом стало изгнание азербайджан-

¹ Россия и Закавказье: реалии независимости и новое партнерство. М., 2000. С. 109.

² Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 12.

³ Центральная Азия и Кавказ. Лулео (Швеция). 1999. № 5 (6). С. 53.

цев. Таким образом, к моменту получения независимости Армения практически стала моноэтническим государством¹. В немалой степени этому объективно способствовало и отсутствие той этнической пестроты, которая присуща Грузии и Азербайджану.

Идея моноэтничности, а следовательно, и отказ в принципе от каких-либо форм федерализма, встретила естественное сопротивление со стороны этнических меньшинств, а наиболее многочисленные из них открыто выступили против нее. В Грузии это абхазы и осетины, в Азербайджане — лезгины. Очень быстро это сопротивление приняло вооруженный характер. В результате Абхазия и Южная Осетия фактически отделились от Грузии, а лезгины продолжают вести диверсионно-террористическую войну, причем не только в области своего проживания.

Следует заметить, что уход с политической сцены ультра националистов З.Гамсахурдия и А.Эльчибея и приход к власти бывших руководителей партноменклатуры Э.Шеварднадзе и Г.Алиева не привели к отказу от данной идеи. Они лишь вынуждены были отложить ее реализацию ввиду резкого обострения социально-экономического кризиса и серьезных военных неудач. В отличие от своих предшественников, которые были случайными людьми в политике и абсолютно некомпетентными, и Э.Шеварднадзе, и Г.Алиев — люди, имеющие большой опыт политической деятельности, причем не местного, а союзного масштаба.

Придя к власти в результате государственных переворотов, Э.Шеварднадзе и Г.Алиев умело адаптировались в ситуации, которая характеризовалась продолжением того «националистического взрыва», который привел к развалу СССР. В рамках «националистического взрыва» требование независимости сочеталось с представлением о том, что после ее достижения социально-экономические проблемы региона будут разрешены относительно легко и быстро. Экономическая сторона независимости полностью игнорировалась не только массой населения, но и руководителями националистических движений. Более того, последние сознательно дезинформировали население по поводу реальных экономических возможностей будущих независимых государств, народное хозяйство которых уже с 1930-х гг. было дотационным.

В качестве «донора», обеспечивавшего экономическое развитие Закавказья, выступала Россия (РСФСР). Размеры российского «донорства» колебались, но даже тогда, когда СССР вступил в полосу затяжного социально-экономического кризиса, они оставались весьма значительными. В 1988 г. только дотации составляли: Грузии — 2,8 млрд долл., Армении — 2 млрд долл., Азербайджану — 650 млн долл.² Если к этому прибавить субвенции, размер которых был особенно значительным в 1950–1960-е гг., то уровень дотационности будет еще выше.

Для сравнения размеры помощи США странам Закавказья в 2001 г. составили: Грузии — 95 млн долл., Армении — 90 млн долл., Азербай-

¹ Россия и Закавказье: реалии независимости и новое партнерство. С. 118.

² Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. М., 1991. С. 643.

джану — 34 млн долл.¹ Даже если учесть помощь со стороны Европейского Союза и международных правительственных и неправительственных организаций, она не превысит 10% того, что получали республики Закавказья в виде дотаций и преференций.

Развал единого экономического пространства СССР оказал самое негативное воздействие на экономику новых государств Закавказья. Резко упал их ВВП. К 1995 г. ВВП Азербайджана составил 42% от уровня 1991 г., Армении — 55,8%, Грузии — 35,8%. К 2000 г. он несколько вырос, но до уровня 1991 г. еще очень далеко. В 2000 г. ВВП Азербайджана — 59,3%, Армении — 76,9%, Грузии — 47,5%².

Особенно катастрофическим было падение промышленного производства. По сравнению с уровнем 1991 г. оно составило в 1995 г. в Азербайджане — 59,3%, Армении — 50%, в Грузии — 18%. Соответственно, к 2000 г. — в Азербайджане — 35%, Армении — 56%, Грузии — 24%³.

Если даже учесть остановку предприятий ВПК, то и тогда, размер падения промышленного производства чрезвычайно велик применительно к Азербайджану и Грузии, так как основная масса предприятий ВПК была сосредоточена в Армении. Между тем, именно Грузия продемонстрировала пример развала промышленности. Примерно аналогичной была и судьба промышленности Азербайджана, за исключением нефтяной. Последняя благодаря крупным иностранным инвестициям смогла избежать спада и даже увеличила добычу нефти с 11,7 млн т в 1991 г. до 14,1 млн т в 2000 г.⁴

Приток иностранных инвестиций был в немалой степени обеспечен широкоформатной рекламной кампанией по поводу «Большой нефти Каспия». Однако к концу 1990-х гг. наметилась тенденция к спаду инвестиционной активности, а некоторые нефтяные консорциумы вообще свернули работу. Это объясняется целым рядом причин. Интенсивные геолого-разведочные работы не подтвердили ранее прогнозируемый гигантский размер нефтяных ресурсов Каспия и, в частности, в азербайджанской зоне каспийского шельфа.

Эксплуатация многих вновь разведанных месторождений оказалась экономически нерентабельной или малорентабельной. Вообще, добыча азербайджанской нефти обходится примерно вдвое дороже российской и в несколько раз дороже ближневосточной. Следовательно, и прибыль от нее меньше, хотя она и высококачественная. В связи с этим особое недовольство нефтяных компаний вызывает «бюрократический рэкет». По самым приблизительным оценкам в виде «дани» азербайджанским чиновникам разных рангов они вынуждены платить 8–10% своей прибыли⁵. Правящая элита страны не только не ведет с ним борьбу, но и сама участвует в нем, что негативно влияет на общий инвестиционный климат.

¹ Независимая газета. 2001. 18 апреля.

² 10 лет СНГ (1991–2001). Статистический сборник / Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2001. С. 1.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 4 (16). С. 31.

В отличие от Азербайджана Армения не имеет сколько-нибудь значимых запасов энергоносителей. Что касается Грузии, то на шельфе Черного моря обнаружены достаточно крупные месторождения нефти, однако пока перспектива ее добычи остается неопределенной. Существующий же объем добычи нефти (100 тыс. т) столь незначителен, что о его роли даже во внутреннем потреблении нет смысла говорить. Экономика Грузии и Армении испытывают острый дефицит энергоресурсов, и в обозримом будущем он сохранится, так как никаких предпосылок даже к его сокращению пока нет.

Говоря о развале промышленности в новых независимых государствах Закавказья, нельзя не заметить, что в большинстве случаев за ним стояли объективные причины, устранить которые их правящие круги просто не могли. Но если в Армении они пытались минимизировать его, то в Азербайджане и, особенно, в Грузии не делали этого. По-иному они вели себя по отношению сельскому хозяйству. Здесь все они были едины в своем стремлении не допустить резкого спада сельскохозяйственного производства, прекрасно понимая, к чему может привести недостаток продовольствия в городах.

Однако и предотвратить деградацию сельского хозяйства не удалось. В 2000 г. общий объем сельхозпроизводства в Азербайджане составил 64% от уровня 1991 г., в Армении — 112%, в Грузии — 90%¹. На первый взгляд может показаться, что произошедший спад не носит столь обвального характера, как в промышленности, но на самом деле это далеко не так, если учесть рост числа занятых в сельском хозяйстве. В Азербайджане в 1991 г. в сельском хозяйстве работало 30% занятых, а в 2000 г. уже 41%, в Армении, соответственно, 22% и 43%, а в Грузии — 26% и 52%². Учитывая резкое увеличение числа работающих, спад сельскохозяйственного производства вполне сопоставим с таковым в промышленности.

Если выразить его не в относительных, а абсолютных цифрах, то, например, производство зерна в 2000 г. составило 187 кг на душу населения в Азербайджане, 59 кг — в Армении (1999 г. — 79 кг), 87 кг — в Грузии (1999 г. — 143 кг)³. В Армении и Грузии был высокий урожай в 1999 г. и низкий в 2000 г., а в Азербайджане — наоборот. Даже с учетом колебаний урожайности обеспеченность населения этих стран зерном не превышает для Армении 15%, а для Азербайджана и Грузии 30% необходимого минимума. Вместе с тем, в Азербайджане в целом производство зерна за десятилетие возросло на 16%, а в Армении сократилось на 22% и в Грузии на 13%, то есть степень зависимости этих двух последних от импорта зерна имеет тенденцию к нарастанию⁴.

Кроме того, даже производимое зерно по большей части идет на самопотребление населения, то есть не является товарным. Положение с зерном находится в русле основного направления эволюции сельского

¹ 10 лет СНГ (1991–2001). С. 22.

² Там же. С. 121.

³ Там же. С. 57.

⁴ Там же. С. 56.

хозяйства Закавказья — натурализации. Непрерывно падает даже тот невысокий уровень товарности, который существовал в советское время. В частности, за десятилетие в Азербайджане сбор винограда сократился в 15 раз, в Грузии — в 2,5 раза, в Армении — почти в 2 раза¹, а ведь именно виноград был сырьем для производства знаменитых закавказских вин — конкурентоспособных на мировом рынке. В Азербайджане сбор хлопка сократился почти в 6 раз².

Среди факторов, стимулирующих натурализацию, необходимо выделить один, влияние которого будет сказываться в длительной перспективе, причем не только в экономическом, но и в социально-политическом плане. Имеется в виду тот вариант аграрной реформы, который был реализован во всех странах Закавказья. Она свелась к ликвидации колхозов и совхозов и к эгалитарному распределению земли. Предполагалось, что таким образом будут созданы предпосылки к переходу от малоэффективного и в сущности тупикового метода хозяйствования к высокоэффективному — фермерству.

Однако кроме полученной земли у бывших колхозников и работников совхозов никаких ресурсов для перехода к фермерству не оказалось. В этой связи следует заметить, что фермер — это сельский предприниматель, широко использующий все виды механизации и последние достижения агрономической науки, не имеющий проблем с кредитованием и получающий поддержку государства. Ничего этого не было, и, как следствие, возродился социальный класс докапиталистического общества — парцелльное крестьянство.

Парцелльный крестьянин ведет в лучшем случае натуральное хозяйство, использует, как правило, ручной труд и рутинные технологии, практически не использует механизацию и минеральные удобрения. Товарный выход от этого типа хозяйства весьма невелик, так как большая часть произведенной сельхозпродукции идет на самообеспечение. Рост численности сельского населения еще больше ухудшает ситуацию, так как ведет к трудоизбыточности, а следовательно, к скрытой и явной безработице, дроблению парцелл и т.д.

За десятилетие численность сельского населения Азербайджана возросла на 18%, Армении — на 11%, и только в Грузии она сократилась на 10%, но это обусловлено общим сокращением численности ее населения в такой же пропорции. Вместе с тем, размер обрабатываемых сельхозплощадей за это время не изменился.

С наибольшей силой общий социально-экономический кризис ударил по городскому населению. Произошло обвальное падение его жизненного уровня, безработица достигла огромных размеров. Выходом для него стало включение в торгово-посредническую деятельность и миграция в Россию. «Теневая» торгово-посредническая деятельность, включая значительную роль контрабанды, стала активно развиваться еще в 1960-е гг. Все попытки союзного Центра как-то ограничить ее реальными успехами

¹ 10 лет СНГ (1991–2001). С. 177, 226, 321.

² Там же. С. 150, 200, 302.

не увенчались, и прежде всего ввиду того, что к ней подключилась значительная часть номенклатурной бюрократии, процесс криминализации которой набирал в это время все большую силу. Потребности «теневой» торговли стимулировали увеличение численности закавказских диаспор в России (РСФСР). Стало меняться их соотношение и их этнических составляющих, и если раньше преобладали армяне, то в 1970–1980-е гг. начинается рост азербайджанской диаспоры. «Миграционная волна» первой половины 1990-х гг. выдвинула на бесспорно доминирующую позицию азербайджанскую диаспору.

Точно оценить размеры этой «миграционной волны» достаточно сложно, хотя бы в силу того, что большинство составляют нелегальные мигранты, среди которых много так называемых «маятниковых» или, иначе говоря, сезонных. Оценки экспертов по поводу размеров этой новой постсоветской «миграционной волны» колеблются в диапазоне от 2,5 до 4 млн человек¹. Абсолютное большинство закавказских мигрантов занято в посреднической торговле, общественном питании, финансовых услугах и т.п.

Сам по себе феномен формирования подобного рода диаспор («торговых меньшинств») хорошо известен в мировой истории. В частности, армянский этнос на протяжении значительной части своей истории формировал достаточно крупные и устойчивые торговые диаспоры, причем зачастую их деятельность способствовала развитию экономики соответствующих стран. Однако положительный экономический эффект от деятельности «торгового меньшинства» достигается лишь тогда, когда государственная власть решительно блокирует органически присущую ему тенденцию установления своей монополии в торговле или в отдельных ее видах с помощью нелегитимных средств. Если сделать это не удастся, то деятельность «торгового меньшинства» становится все более и более деструктивной. К чему это может привести, наглядно демонстрирует пример Индонезии, где деятельность китайской диаспоры стимулировала тяжелый социально-экономический кризис, из которого эта страна, видимо, выйдет еще не скоро.

В России государственная власть до последнего времени каких-либо реальных мер по пресечению данной тенденции не предпринимала. Как неизбежное следствие, данная негативная тенденция стала все больше набирать силу. Особую активность в этом плане проявляет наиболее многочисленная и более других криминализованная азербайджанская диаспора. В настоящее время сеть азербайджанских общин протянулась от Санкт-Петербурга до Владивостока². В некоторых городах Урала и Сибири входящие в их состав организованные преступные группы включаются в борьбу за установление криминального контроля над государственной властью.

Значительная часть получаемых закавказскими диаспорами доходов вывозится в соответствующие страны как легально, так и нелегально. Только легальный размер вывозимой валюты достигает, по приблизитель-

¹ Россия и Закавказье: реалии независимости и новое партнерство. С. 112.

² Там же. С. 113.

ной оценке, 5–7 млрд долл. в год. Именно эти долларовые трансферты в основном спасают городское население государств Закавказья от гуманитарной катастрофы, не допуская падения его жизненного уровня ниже опасной черты, переход которой ведет к политической дестабилизации.

Кроме того, пребывание в диаспоре обеспечивает работой примерно 30% мужского самодеятельного населения, что существенно смягчает остроту проблемы безработицы, рост которой правительства государств Закавказья не могут остановить. Для создания новых рабочих мест у них просто нет средств, так как в течение всех десяти лет новые независимые государства имели дефицитные бюджеты. В 2000 г. бюджетный дефицит Азербайджана был на уровне 10%, Армении — 20% и Грузии — 50%¹. Причем если у Азербайджана и Армении этот размер бюджетного дефицита был относительно стабилен на протяжении всей второй половины 1990-х гг., то у Грузии он был подвержен резким колебаниям (2000 год — неурожайный). Для покрытия бюджетного дефицита правительства этих стран вынуждены прибегать к внешним заимствованиям, что ведет к росту внешнего долга, который превысил к 2000 г. доходную часть бюджета Азербайджана в 2 раза, Армении — в 3 раза, Грузии в — 4 раза². Даже для Азербайджана, не говоря уже о двух других государствах, обслуживание такого внешнего долга представляет серьезную проблему.

Эффективность использования полученных займов в целом остается низкой прежде всего в силу того состояния, в котором находится государственный аппарат. В нем процветают казнокрадство и взяточничество. Согласно проведенному в 1998 г. консультативной фирмой «Транспоренси интернешнал» исследованию, Азербайджан занимает третье место в мире по уровню коррупции — 96 баллов по 100-бальной шкале. Соответственно, Грузия имеет 87 баллов, а Армения — 80 (для сравнения, Россия — 82)³. С таким государственным аппаратом рассчитывать на преодоление социально-экономического кризиса в обозримом будущем нет серьезных оснований.

Между тем, установившаяся во второй половине 1990-х гг. политическая стабильность в Грузии и Азербайджане могла бы объективно помочь этому. Укрепившиеся в этих странах авторитарные режимы, возглавляемые Э.Шеварднадзе и Г.Алиевым, смогли остановить гражданскую войну и создать работающую финансовую систему. Однако достигнутую политическую стабильность нельзя считать прочной, так как она базируется на личностях этих двух лидеров, но они — люди весьма пожилые, а Г.Алиев еще и серьезно болен. Их уход из большой политики — вопрос ближайшего будущего, а легитимный механизм передачи власти фактически отсутствует. Существующая демократическая атрибутика выполняет чисто декоративную функцию (на потребу мировому сообществу).

В отличие от Грузии и Азербайджана в Армении не было гражданской войны, и авторитаризм не смог утвердиться. Существующий там демократический механизм передачи власти обеспечил смену Л.Тер-Пет-

¹ 10 лет СНГ (1991–2001). С. 39.

² Там же. С. 161, 210, 312.

³ Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 4 (16). С. 31.

росяна Р.Кочеряном на посту президента. Сам по себе он, конечно, полной гарантии политической стабильности не дает, но серьезно ограничивает возможности политического экстремизма.

Прошедшее десятилетие еще раз подтвердило хорошо известную истину о том, что политическая независимость является благом для этноса только тогда, когда новое независимое государство обладает хотя бы минимальным уровнем экономической жизнеспособности. У государств Закавказья такая жизнеспособность отсутствует. Как неизбежное следствие, они превратились в иждивенцев мирового сообщества, причем деятельность их диаспор в России придает их иждивенчеству паразитический оттенок.

Преодолеть состояние экономической нежизнеспособности в обозримом будущем они явно не смогут. Дело в том, что за десятилетие, прошедшее с момента распада СССР, произошло кардинальное изменение вектора их социально-экономического развития. Если со времени вхождения в состав Российской империи он носил поступательный характер, то есть происходил переход от аграрного к индустриальному обществу, то после развала СССР он стал попятным. Произошел своего рода «большой скачок» деиндустриализации.

К началу 1980-х гг. республики Закавказья представляли собой среднеразвитые индустриально-аграрные страны, причем в Армении просматривались признаки перехода к высокоразвитости. В целом они находились в русле мирового социально-экономического развития. Прошедшее десятилетие по существу выбросило их из этого русла. Процесс деиндустриализации сопровождался натурализацией и примитивизацией сельского хозяйства. В известном смысле закавказское общество вернулось к тому состоянию, в котором оно было 100 лет тому назад. Его современная социальная структура все больше начинает походить на традиционную восточную: масса парцелльного крестьянства, купечество (в основном в диаспоре), люмпенизирующиеся мелкие торговцы и ремесленники и мощная бюрократия. Осознавая пагубность подобного рода попятного движения, правящие элиты новых государств Закавказья пытаются найти пути выхода из создавшегося положения. Делают они это, естественно, по-разному. Наиболее гибко действует армянская элита, которая стремится сочетать мобилизацию всех внутренних возможностей с внешней помощью со стороны России, мировой армянской диаспоры (до 150 млн долл. помощи в год)¹ и международных финансовых институтов.

Грузинская и азербайджанская элиты основную ставку делают на крупномасштабные международные проекты типа уже упоминавшейся «Большой нефти Каспия», а также «Великого шелкового пути» (TRASECA). Последний поражает своей грандиозностью. Он предполагает постройку гигантского транспортного коридора, который должен связать Европу и Дальний Восток через Черное и Каспийское моря, Закавказье (Грузию и Азербайджан) и Центральную Азию.

По существу, обе эти элиты возлагают свои надежды на получение нефтяной и, особенно, транспортной ренты. Если возможность получения

¹ Россия и Закавказье: реалии независимости и новое партнерство. С. 147.

первой в сколько-нибудь крупных размерах становится все более проблематичной, то получение второй объективно откладывается на достаточно отдаленное будущее¹.

Центральная Азия

Центральная Азия представляет собой гигантский по размерам и геополитически разнородный регион. Он делится на два субрегиона — Северный и Южный. Первый находится в зоне евразийской степной полосы, через которую на протяжении двух тысячелетий шло непрерывное переселение народов с Востока на Запад. В течение всего этого времени евразийская степная полоса была населена кочевыми племенами. И сейчас титульные этносы данного региона, казахи и киргизы, еще относительно недавно отошли от кочевого образа жизни. Причем сделали они это отнюдь не добровольно, а под мощным давлением советской власти. Перевод на оседлость происходил в короткие сроки и сопровождался массовыми вооруженными выступлениями и миграцией немалой части населения в Китай.

Вообще, кочевое хозяйство является тупиковым вариантом социально-экономической эволюции, консервирующим родоплеменное общество, которое полностью сохранилось у казахов и киргизов к моменту их вхождения в состав Российской империи. И затем племенное деление сохранилось, так как российская администрация ограничивалась сугубо формальным внешним контролем, избегая какого-либо вмешательства во внутренние дела племен, сохранявших по существу свою автономию.

Большевики смогли ликвидировать племя как административную единицу, но не как этническую общность. Только индустриализация и урбанизация начали ее размывать, однако этот процесс развернулся лишь в 1950-е гг., и к моменту получения независимости был еще достаточно далек от завершения. В результате казахский и киргизский этносы представляют собой сейчас протонародности, то есть народности с весьма серьезными племенными рудиментами. Соответственно, их самосознание характеризуется дуалистичностью, сочетанием общеэтнического и племенного. Подобного рода дуалистичность самым серьезным, если не сказать решающим, образом влияет на внутривнутриполитическое положение в этих новых независимых государствах.

К категории протонародностей с полным основанием может быть отнесен и туркменский этнос, который населяет западную часть другого субрегиона — Южного. Он находится в основном в зоне пустынь, где население концентрируется в долинах рек и оазисах. В этом плане «ядром» субрегиона является так называемый Мавераннахр (араб.; «то, что за рекой») — междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, большая часть которого входит в состав Узбекистана. Именно там всегда концентрировалась основная масса населения региона, и он же служил основным объектом ударов

¹ В связи с событиями 11 сентября 2001 г. и последовавшей за ними глобальной антитеррористической операцией трудно предположить, что США и другие страны Запада активно включатся в реализацию этих проектов, по крайней мере, в обозримом будущем.

со стороны кочевников с Севера. Всего за два тысячелетия было двенадцать таких мощных ударов, каждый из которых сопровождался огромными людскими и материальными потерями для населения Мавераннахра.

Особенно страшным был удар татаро-монголов Чингиз-хана, после которого Мавераннахр, а вместе с ним и весь субрегион на несколько столетий погрузился в состояние глубокой стагнации. Он стал выходить из него лишь незадолго до русского завоевания. Его включение в состав Российской империи произошло без особо упорного сопротивления (народы северного субрегиона присоединились к ней добровольно). Попытки мусульманского духовенства организовать «священную войну» в целом серьезными успехами не увенчались прежде всего ввиду того, что царскому правительству удалось добиться компромисса с правящими элитами существовавших тогда в субрегионе государственных образований, благодаря сохранению за ними права на автономию. Хотя это считалось сугубо временной мерой, тем не менее, она сохранилась до начала Гражданской войны. Только большевики ее ликвидировали, однако затем в ходе реализации программы национального размежевания система автономий была восстановлена в форме республик. Свой окончательный вид в рамках всего региона в целом она приобрела к 1936 г.¹ На ее основе после распада СССР возникли новые независимые государства.

Несмотря на негативное влияние так называемого «узбекского дела», в ходе которого по обвинению в казнокрадстве и коррупции была репрессирована значительная часть высшего эшелона номенклатурной бюрократии Узбекистана, все местные номенклатурные элиты отнюдь не стремились к ликвидации СССР. Беловежские соглашения они расценили как сепаратную сделку за их спиной, поскольку об этом их даже не сочли нужным предварительно информировать.

Их позиция диктовалась не столько учетом массовых настроений, сколько пониманием роли донорской помощи союзного Центра (в 1988 г. только дотации — 16,8 млрд долл.², не говоря об очень крупных субвенциях). Чтобы представить их размер, можно указать на восстановление в течение нескольких лет полностью разрушенных в результате землетрясений столиц Туркмении Ашхабада (1948 г.) и Узбекистана Ташкента (1968 г.). Последний к этому времени был почти полуторамиллионным городом. Для строительства нового города пришлось привлечь несколько сот тысяч строителей из европейской части СССР и большое количество техники.

При этом следует иметь в виду, что все три республики южного субрегиона вообще не производили никаких отчислений в союзный бюджет. Что касается республик северного субрегиона, то отчисления Киргизии были минимальны, а у Казахстана находились на среднем уровне (максимальные были у России — более половины национального дохода). Причем отчисления Казахстана осуществлялись в основном за счет его северных областей, заселенных преимущественно русскими и украинцами. Такая по-

¹ К этому времени был окончательно установлен политико-правовой статус республик и их границы.

² Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический справочник. С. 643.

литика союзного Центра была объективно обоснованной, так как экономический потенциал титульных этносов региона был крайне ограниченным.

К моменту включения региона в состав Российской империи его хозяйственная система характеризовалась наличием двух основных укладов: кочевое скотоводство (северный субрегион) и полевое земледелие (южный). Промышленность вообще отсутствовала. То есть это было застойное аграрное общество, причем в северном субрегионе родоплеменное. Царское правительство не предпринимало каких-либо целенаправленных усилий по экономическому развитию региона. Исключением являлось лишь стимулирование расширения производства хлопка, остро необходимого растущей российской промышленности. За двадцать лет с 1895 по 1914 г. правительство вложило 35 млн золотых рублей¹ в создание новых оросительных систем. Для этого времени это была достаточно солидная сумма. Однако в целом оно избегало вмешательства в традиционную хозяйственную систему.

В советское время стал достаточно строго и последовательно проводился курс на ускоренную модернизацию региона, а следовательно, на разрушение традиционного социально-экономического порядка. Он вызвал активное сопротивление основной массы населения, которое продолжалось более десяти лет. Только в первой половине 1930-х гг. последние очаги этого сопротивления были подавлены.

Не вдаваясь в детальную оценку результатов стратегии ускоренной модернизации, необходимо все же отметить, что в целом она оказалась более успешной применительно к кочевому скотоводству и обеспечила переход к оседлости. Развитие же поливного земледелия пошло по экстенсивному пути — непрерывному и быстрому расширению посевов хлопка, который превратился в монокультуру южного субрегиона.

Уже к началу 1970-х гг. стало очевидным, что дальнейшее развитие по экстенсивному пути бесперспективно. Нужно было разворачивать «зеленую революцию», развивать современное интенсивное животноводство, создавать мощную перерабатывающую промышленность и инфраструктуру, но для этого у союзного Центра, который с самого начала финансировал всю программу индустриализации, уже не было средств. Не имел их и регион. В результате индустриализация как бы остановилась на полпути. Поскольку она шла с Севера на Юг на волне организованной миграции русско-украинского населения, то ее последствия были существенно различны для каждой из бывших союзных республик. По существу ее успехи зависели прежде всего от условий формирования стабильной русско-украинской диаспоры. Наиболее серьезными они были в Казахстане, в состав которого волевым решением союзного центра был включен ряд западносибирских районов, и минимальными — в Туркменистане.

К середине 1970-х гг. республики региона находились на различных стадиях перехода от аграрного к аграрно-индустриальному обществу. Резкое сокращение донорской помощи союзного Центра повлекло за собой торможение процесса индустриализации. Возникла вполне реальная угроза

¹ Республики Средней Азии в период развитого социализма. М., 1980. С. 153.

социально-экономического кризиса, что не могло не вызвать беспокойства местных правящих элит и в первую очередь правящей элиты Узбекистана. Возглавлявший ее Ш.Рашидов предпринял отчаянную попытку дать новый импульс экстенсивному развитию сельского хозяйства республики. Был выдвинут авантюрный план поворота сибирских рек в Центральную Азию, точнее, в ее южный субрегион. Эта попытка закончилась неудачей, ее закономерным финалом стали смерть Ш.Рашидова и «узбекское дело».

Предотвратить социально-экономический кризис не удалось не только в силу сокращения экономических возможностей союзного Центра, но и ввиду того, что к этому времени стали сказываться последствия «демографического взрыва», который начался в регионе в 1960-е гг. Развитие системы здравоохранения привело к значительному сокращению смертности при сохранении традиционно высокого уровня рождаемости. За двадцать лет численность титульных этносов региона выросла вдвое¹.

Со второй половины 1970-х гг. на рынок труда стала выходить каждый год все большая и большая масса молодежи, которая в условиях кризиса не находила себе применения. Регион превратился в трудоизбыточный, сократить безработицу так и не удалось, поскольку и в 1980-е гг. демографический взрыв продолжался. За этот период численность титульных этносов выросла еще на 30%².

В этой связи следует заметить, что преодолеть негативные последствия демографического взрыва страны, находящиеся на стадии перехода от аграрного к индустриальному обществу, могут тогда, когда рост их ВВП примерно вдвое превышает темпы демографического взрыва. Применительно к республикам Центральной Азии это означало необходимость обеспечения среднегодового прироста ВВП в размере 6%.

Даже официальная советская статистика, склонная значительно завышать подобного рода показатели, фиксировала рост ВВП в регионе 3%, а во второй половине 1980-х гг. — 1–1,5%³. Предотвратить тяжелые социально-экономические последствия в этих условиях оказалось невозможным.

Таким образом, к моменту распада СССР регион оказался в состоянии тяжелого и затяжного социально-экономического кризиса. Руководители бывших союзных республик, автоматически ставшие главами новых независимых государств, достаточно хорошо понимали сложившуюся ситуацию и начали поиск путей выхода из нее в условиях неуклонного сокращения российского донорства.

Исключение составил Таджикистан, где правящая элита не смогла обеспечить политическую стабильность. В стране началась гражданская война, развязанная исламистами (Партия исламского возрождения Таджикистана — ПИВТ). Она привела к деградации экономики страны и к гигантским бедствиям для большей части ее населения.

¹ Рассчитано по: Демографический ежегодник. 1990 / Госкомстат СССР. М., 1991.

² Рассчитано по: Население СССР. По данным Всесоюзной переписи 1989 г. / Госкомстат СССР. М., 1990.

³ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический справочник.

Преращение гражданской войны не привело к кардинальному изменению положения, так как не удалось преодолеть полураспад государства и добиться политической стабильности, что не позволяет Таджикистану выйти из социально-экономического кризиса. В 2000 г. его ВВП составлял лишь 41% от уровня 1991 г.¹ Как государство он выживает благодаря внешней помощи со стороны мирового сообщества, и прежде всего России, которая взяла на себя задачу обеспечения его безопасности.

Таджикистан по существу оказался в состоянии перманентной гуманитарной катастрофы, возможности выхода из которой пока не просматриваются. Нынешняя правящая элита страны во главе с президентом Э.Рахмоновым реальных сил для этого не имеет.

Другие новые независимые государства региона оказались в лучшем положении, так как им удалось избежать политической дестабилизации, причём немалую роль в этом отношении сыграл демонстративный эффект таджикской гражданской войны и, в частности, дикое зверство исламистов, отношение к пропаганде которых стало более настороженным.

Соответственно, правящие элиты этих государств получили возможность в относительно спокойной обстановке решать проблему преодоления социально-экономического кризиса. По существу, это означало выбор стратегии продолжения процесса индустриализации в принципиально иных условиях, не в рамках союзной, а в рамках мировой экономики.

Существующий мировой опыт предлагал три модели индустриализации: интенсивную, экстенсивную комплексную и анклавную (сырьевую). Эта последняя наиболее эффективно реализуется в небольшой по численности населения и отсталой стране, обладающей очень крупными запасами нефти. Иностраный капитал в короткий срок создает суперсовременный комплекс по ее добыче и транспортировке, налоговые поступления от деятельности которого обеспечивают населению страны высокий жизненный уровень и устойчивое благосостояние. Такая анклавная индустриализация ведет к формированию потребительского общества, живущего за счет природной ренты. Возможности такой модели демонстрируют нефтедобывающие страны Аравийского полуострова, а ее эталоном принято считать Кувейт.

При всей привлекательности данной модели она сопряжена с наличием целого ряда обязательных условий. Тут и гигантские запасы нефти (другие виды природного сырья такого эффекта не дают), и небольшая численность населения, и близость морских коммуникаций, и т.д. Этими условиями государства региона не обладают. Соответственно, для некоторых из них она была полностью исключена, а для других (Казахстан и Туркменистан) — в лучшем случае могла быть вспомогательной.

Оставалась только модель экстенсивной комплексной индустриализации, так как к интенсивной (модель «новых индустриалов») они явно не были готовы. Иначе говоря, они должны были перейти от социалистического варианта экстенсивной индустриализации к капиталистическому. Возможности этого последнего продемонстрировала Турция, которая успешно пропагандировала свой опыт социально-экономического развития, утверж-

¹ 10 лет СНГ (1991–2001). С. 11.

дая, что уже решила задачи экстенсивной индустриализации и непосредственно приступила к интенсивной на основе новейших технологий.

При переходе от социалистического к капиталистическому варианту экстенсивной индустриализации встал целый ряд проблем, важнейшими из которых были судьба «советского наследия», включая проблему русскоязычного населения, которое обеспечивало индустриализацию, и выбор оптимального темпа перехода.

Исход русскоязычного населения из региона наметился уже во второй половине 1970-х гг., когда прекратилась его организованная миграция и стали отчетливо проявляться признаки экономической стагнации. В то же время местная номенклатурная бюрократия, воспользовавшись ослаблением политического контроля со стороны союзного центра, взяла курс на стимулирование националистических умонастроений в среде интеллигенции и поддержку бытового национализма среди основной массы титульных этносов. Последний достаточно быстро принял форму криминального давления на русскоязычное население, которое становилось все более жестким. Местная бюрократия даже не всегда стремилась замаскировать свое участие в нем. Как следствие, в 1980-е гг. Центральную Азию покинуло около 2 млн человек¹.

За этой первой миграционной волной в 1990-е гг. последовала еще более мощная вторая. Только по официальным данным за десятилетие в Россию выехало 3 млн человек. Если же учесть отъезд в Германию практически всех немцев из Казахстана, а евреев из Узбекистана — в Израиль, то общее число мигрантов второй волны достигнет 4 млн человек². К 2000 г. численность русскоязычной диаспоры в регионе сократилась наполовину.

Поскольку основную массу мигрантов составляли квалифицированные рабочие и интеллигенция, в частности, инженерно-техническая, то их отъезд самым серьезным образом подрвал кадровый потенциал индустриализации региона, так как представительство титульных этносов среди занятых в промышленности не превышало 6–10%, в зависимости от республики. Если же учесть, что значительную его часть составляли женщины, занятые в традиционных для региона отраслях (текстильная, ковроткачество и т.п.), то оно будет вообще незначительным.

Первоначально правящие элиты новых независимых государств более чем спокойно отнеслись к исходу русскоязычного населения, так как ликвидация русскоязычной диаспоры полностью соответствовала магистральному направлению их внутренней политики — установлению строгой этнократии и созданию моноэтнической государственности. Лишь постепенно они начали осознавать все негативные последствия такого массового исхода и стали прибегать к запретительным мерам, далеко не всегда последовательным. Это и понятно, поскольку рассматривались они как некий вынужденный и сугубо временный паллиатив.

Установление строгой этнократии и приверженность цели моноэтничности, а от нее ни правящие элиты, ни тем более, масса местной бюро-

¹ Рассчитано по: Демографический ежегодник. 1990.

² Рассчитано по: Россия в цифрах. 2001 / Госкомстат СССР. М., 2001.

кратии отказываться не собираются, делают непрерывное сокращение численности русскоязычной диаспоры неизбежным. В перспективе это может привести вообще к ее ликвидации, несмотря на все усилия России.

В этой связи нельзя не отметить, что главы новых независимых государств, как правило, избегают каких-либо публичных заявлений касательно идеи моноэтничности, но их политическая практика не оставляет по этому поводу никаких сомнений. Наиболее четко и последовательно реализует стратегию «выдавливания» русскоязычного населения президент Казахстана Н.Назарбаев, причем делает это под прикрытием разного рода проектов интеграции с Россией.

Что касается других аспектов «советского наследия», то среди них наиболее сложными был вопрос о демонтаже колхозно-совхозной системы и неразрывно связанная с ним проблема частной собственности на землю, а в южном субрегионе — и на воду. Во всех государствах региона государственная собственность на землю и воду была сохранена, причем только в конституции Туркменистана содержится положение о частной собственности на землю. Вместе с тем, во всех этих государствах было проведено наделение сельского населения землей, но на правах долгосрочной аренды. На практике это выразилось в увеличении размеров приусадебных участков колхозников (до 0,3 га на орошаемых землях) и выделении земельных наделов тем, кто их не имел.

Таким образом, в основном оформился огромный по размерам слой parcelльных крестьян-арендаторов, ведущих по существу натуральное хозяйство, так как размер parcelл в лучшем случае давал возможность обеспечить семью продуктами питания, не более того.

К демонтажу колхозно-совхозной системы руководители государств Центральной Азии подошли по-разному, одни более, а другие менее радикально, но отнюдь не в силу каких-либо идеологических различий, а прежде всего ввиду специфики сельскохозяйственного производства и необходимости, хотя бы в минимальной степени, сохранить его товарность. Тут главную роль играла монокультура хлопка в южном регионе и производство товарного зерна в Казахстане. Соответственно, правящие элиты южного субрегиона подошли к проблеме демонтажа колхозно-совхозной системы весьма осторожно, стремясь растянуть этот процесс на длительный срок. В северном субрегионе была сделана ставка на ускорение данного процесса, причем в Киргизии в экстремальном, а в Казахстане в умеренном варианте.

Это сыграло немалую роль в выборе темпов перехода от социалистического к капиталистическому варианту индустриализации в целом. Казахстан и Киргизия пошли (в определенной степени вынужденно) по пути «шоковой терапии», Узбекистан и Туркмения попытались использовать китайский опыт, причем первый смог сделать это более, а вторая менее успешно.

Прошедшее десятилетие позволяет сделать вывод о том, что китайская стратегия оказалась более эффективной не только ввиду относительно меньших социальных издержек, но главным образом в силу того, что позволила остановить экономическую деградацию. К 2000 г. Узбеки-

стан и Туркменистан по объему ВВП вышли на уровень 1991 г., а Казахстан и Киргизия, соответственно, лишь на 78% и 72%¹.

Казахстану в этом отношении мало помогли даже крупные иностранные инвестиции в нефтедобывающую промышленность во второй половине 1990-х гг. (77% всех инвестиций в регион)². Увеличение объемов добычи нефти и ее экспорта (в том числе и за счет ограничения ее внутреннего потребления) существенной роли не сыграло. Более того, увеличение экспорта стало возможным главным образом благодаря преференциальным условиям ее перекачки по российским нефтепроводам. Широкоформатные проекты строительства нефтепроводов в Европу и на Восток (в Китай и Японию) были фактически законсервированы. Дело не только в их огромной стоимости, но прежде всего в том, что по мере проведения геолого-разведочных работ усиливаются сомнения в «большой нефти Каспия».

Сам по себе выход на уровень 1991 г. по объему ВВП может рассматриваться как успех весьма условно, так как численность титульных этносов продолжает расти в диапазоне от 2 до 2,7%, то есть по сравнению с 1980-ми гг. темп демографического взрыва упал, но он не прекратился. Исключением, по понятной причине, является Таджикистан (1,6%)³. Гражданская война и гуманитарная катастрофа прервали его, что в принципе не исключает возможности его возобновления.

Как следствие, падение размера ВВП на душу во всех странах данного региона, и сейчас по этому показателю они относятся к категории беднейших (по классификации ООН). По существу, за прошедшее десятилетие они оказались отброшенными на уровень первой половины 1950-х гг., когда процесс их индустриализации еще только начинался. Если исключить северные области Казахстана, то государства Центральной Азии превратились в аграрные страны, причем со стагнирующим, а то и откровенно деградирующим сельским хозяйством. Все они являются импортерами продовольственных товаров, и только Казахстан экспортирует их (в основном пшеницу) в значительных размерах, но там зерновым производством занимается прежде всего русско-украинское население. Традиционная отрасль титульного этноса — животноводство — деградировала. Производство мяса за десятилетие сократилось в 2,5 раза, а шерсти — почти в 5 раз⁴.

Такой экономический откат не мог остаться без самых серьезных социальных последствий. Резко ускорился процесс обнищания основной массы населения региона, падение жизненного уровня которого началось еще в 1980-е гг. Особенно серьезным оно было в южном субрегионе, где сказывались не только сокращение союзного донорства и демографический взрыв, но и кризис экстенсивного поливного земледелия. Возможности дальнейшего расширения посевных площадей были практически исчерпаны к концу 1960-х гг., когда все водные ресурсы субрегиона были уже использованы.

¹ 10 лет СНГ (1991–2001). С. 11.

² Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 2 (14). С. 23–24.

³ 10 лет СНГ (1991–2001). С. 356.

⁴ Там же. С. 367–368.

В советское время нищета была уделом в основном сельского населения, где трудоизбыточность вела к высокому уровню скрытой безработицы: на севере — до 40%, на юге — до 50% (в Ферганской долине даже до 65%)¹.

Поскольку реальных перспектив на ее снижение не было, то наиболее активная часть сельской молодежи мигрировала в города и прежде всего в столицы. Таким образом, проходил постепенно процесс урбанизации в 1960–1970-е гг. В 1980-е гг. он застопорился, а в 1990-е приобрел попятную динамику, стала расти численность сельского населения. Темпы деурбанизации различны, наименьшими они являются в Казахстане, и наибольшими они были в Таджикистане, где процесс деурбанизации активно шел еще в 1980-е гг. Во всех государствах южного субрегиона и в Киргизии доля сельского населения к 2000 году превысила 60%.

В немалой степени сокращение сельской миграции в города было обусловлено ухудшением положения городского населения и ростом безработицы, во многом связанным со спадом промышленного производства. В процесс обнищания были втянуты не только городские низы, но и большинство городского населения. О его размахе можно судить по результатам обследования семейных бюджетов, которое было проведено в ряде стран региона в 2000 г. Согласно его результатам, за чертой бедности (менее одного доллара на душу в день) в Казахстане было 55%, а в Киргизии — 72%². Положение в Узбекистане и Туркменистане было примерно аналогичным (60–70%), а в Таджикистане — 83% населения, причем у этой части населения реальный доход зачастую не обеспечивает даже физиологического минимума, что побудило и побуждает ее активно включаться в производство и транспортировку наркотиков из Афганистана в Россию, а затем в Европу. Первоначально Россия была лишь транзитной зоной, но со второй половины 1990-х гг. стала быстро превращаться в зону массового потребления наркотиков. Растет потребление наркотиков и в самих государствах Центральной Азии.

Параллельно с усиливающимся процессом обнищания абсолютного большинства населения имеет место концентрация богатств в руках очень небольшого слоя, включающего представителей высшей и средней бюрократии, а также крупных предпринимателей, как правило, криминализованных, а нередко — связанных с наркоторговлей. Основным источником их обогащения является сырьевая рента, то есть доходы от экспорта нефти, газа, золота и т.п. Полученные таким образом средства, как правило, или уходят за границу, или используются на престижное потребление (строительство дворцов, организацию разного рода празднеств и т.д.).

В среде этого слоя процветают казнокрадство и коррупция. Согласно ранее упомянутому исследованию фирмы «Транспореси интернешинал», по уровню коррумпированности Узбекистан и Туркменистан имеют 87 пунктов, а Казахстан — 84 пункта по 100-бальной шкале, то есть выше уровня России. О размерах казнокрадства можно судить по такому факту,

¹ Рассчитано по: Население СССР. 1988 / Госкомстат СССР. М., 1989.

² 10 лет СНГ (1991–2001). С. 380, 436.

что президент Туркменистана С.Ниязов дал указание о переводе всех валютных налоговых поступлений на его личный счет в заграничном банке. Сама возможность появления подобного рода распоряжения обусловлена характером существующего в стране политического режима.

После развала СССР во всех центрально-азиатских государствах оформились авторитарные режимы, прикрытые более или менее искусными демократическими декларациями. По мере их укрепления выкристаллизовался своего рода общерегиональный вариант — режим личной власти пожизненного автократа, играющего роль «вождя нации». Прототипом тут был Кемаль Ататюрк, но с учетом страновой специфики.

Необходимость международной легитимизации побуждает «вождей» использовать демократические процедуры и атрибутику, которые, однако, в основном выполняют декоративные функции. Делают они это по-разному. Наиболее успешно это удается А.Акаеву, гораздо менее убедительно это делают Н.Назарбаев и И.Каримов, которые их иногда игнорируют. У С.Ниязова игра в демократию принимает гротескные формы.

И дело тут не только в личных качествах того или иного «вождя», хотя, конечно, сбрасывать их со счетов нет оснований, но и в степени прочности власти местной бюрократии, а следовательно, и ее контроля над титульным этносом. В Таджикистане она оказалась недостаточной, что при отсутствии признанного «вождя» дало возможность исламистам бросить вызов местной номенклатурной бюрократии и развязать гражданскую войну.

Предпосылки политической дестабилизации существовали и в других странах региона, хотя и не столь серьезные. Наиболее значимыми они были и остаются в Узбекистане, где Ферганская долина является главным очагом исламского движения в регионе. В ней позиции ислама традиционно очень сильны. К моменту распада СССР исламисты фактически установили над ней свой контроль, опираясь на отряды боевиков.

В Узбекистане они, действуя в союзе с националистами, имитировавшими свою приверженность демократии, сделали основной упор на стимулирование русофобии в сочетании с оголтелой проповедью антисемитизма. В Андижане был даже организован еврейский погром, чего история региона ранее не знала. С немалым трудом И.Каримову удалось восстановить свою власть в Фергане, но подавить исламистов ему не удалось.

Они смогли развязать диверсионно-террористическую войну малой интенсивности. С приходом к власти в соседнем Афганистане движения «Талибан» ее размах заметно возрос. В 1999 г. группа боевиков-исламистов предприняла в Ташкенте попытку уничтожить И.Каримова и ряд членов его правительства. Затем последовали рейды боевиков в пограничные районы Узбекистана и Киргизии, однако сколько-нибудь значимых успехов им добиться не удалось.

Свержение режима «Талибан» в Афганистане в результате антитеррористической операции США ослабило возможности продолжения диверсионно-террористической войны, но никак не подорвало массовую социальную базу исламского движения, которую составляют люмпены и безработная молодежь. Последняя, лишенная какой-либо социальной перспек-

тивы, быстро радикализуется и криминализуется. Исламистам с их популизмом, показной бедностью и демократизмом привлечь ее на свою сторону не составляет особого труда. Немалую роль играет проповедь эгалитаризма и обещание решить все проблемы сразу («ислам — вот решение»).

Продолжающийся процесс обнищания подавляющего большинства населения, и особенно в южном субрегионе, объективно ведет к расширению социальной базы исламистов. Последние, учитывая новые международные условия, связанные с включением США в активную борьбу против исламского терроризма, переходят к стратегии «ползучий исламизм», которую они уже пытались применять и не без успеха в начале 1990-х гг. В ее рамках главный упор делается на пропаганду и создание сети формально аполитичных исламских организаций.

Наибольшие шансы на успех данная стратегия имеет, естественно, в южном субрегионе, главным образом, в Узбекистане. На севере влияние ислама лимитируется родоплеменными отношениями и большим распространением русской культуры. Не следует забывать, что казахский и киргизский этносы вошли в состав Российской империи на столетие раньше южных соседей.

Вместе с тем, нельзя не учитывать и того факта, что курс на установление строгой этнократии сопровождается везде тенденцией к вытеснению русского языка и культуры без сколько-нибудь адекватной им замены. Образующийся в результате этого вакуум заполняется примитивной средневековой архаикой, что грозит не менее серьезным, чем экономический, культурным откатом. Исламисты активно поддерживают эту тенденцию, выдвигая в качестве альтернативы русскому языку арабский — сакральный язык ислама.

Борьба с «ползучей исламизацией» для правящих элит региона в принципе дело значительно более сложное, чем подавление вооруженных выступлений исламистов. Добившись политической стабильности, они оказались не в состоянии обеспечить ее надежную социально-экономическую базу, что требует стабильного экономического роста и резкого сокращения нищеты, так как именно последняя представляет собой питательную почву исламизма и любых других экстремистских политических движений.

Ни одну из этих задач правящие элиты новых государств решить так и не смогли, хотя и пытались. Они прекрасно понимали, что необходимо как-то компенсировать потерю союзного «донорства». Первоначально они рассчитывали на помощь Турции и нефтедобывающих стран Аравийского полуострова во главе с Саудовской Аравией. В расчете на нее новые независимые государства вошли в состав ЭКО и ОИК.

Достаточно быстро выяснилось, что финансовые возможности Турции весьма ограничены и она преследует сугубо политическую цель — создание так называемого «Великого Турана», то есть конфедерации тюркоязычных стран (четыре из пяти титульных этносов региона — тюркоязычные). По ее инициативе стали регулярно проводится встречи глав тюркоязычных государств (Турции, Азербайджана, Узбекистана, Туркмени, Казахстана и Киргизии), но дальше этого дело не пошло.

Еще менее успешным оказался расчет на массивную финансовую поддержку со стороны Саудовской Аравии, которая выделяла средства практически только на развитие исламской инфраструктуры (строительство мечетей, исламских школ и культурных центров). Иного от нее нельзя было и ожидать, поскольку именно Саудовская Аравия является основным спонсором исламского движения в глобальном масштабе.

Создание такой достаточно разветвленной инфраструктуры, финансируемой и управляемой из-за рубежа, является необходимой предпосылкой для успеха «ползучей исламизации», а затем и для перехода к вооруженной борьбе за захват государственной власти. Осознав, хотя и не сразу, грозящую им опасность, правящие элиты приняли жесткие меры по ограничению развития этой инфраструктуры и даже ее частичному демонтажу, что не способствовало улучшению отношений с Саудовской Аравией и ее союзниками по ССАГПЗ (Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива).

С середины 1990-х гг. был взят курс на максимальное использование сырьевого потенциала региона путем привлечения западных инвестиций. Для этого иностранному капиталу были предоставлены самые большие льготы. Из двух стран, обладающих достаточно крупными месторождениями нефти и газа, — Казахстана и Туркменистана, — только первая смогла привлечь крупные иностранные инвестиции и получить от них экономически значимую отдачу. Действительно, крупные газовые месторождения Туркменистана были востребованы явно недостаточно. Узбекистан за счет разработки имеющихся нефтегазовых месторождений смог удовлетворить в основном лишь свои внутренние потребности. Киргизия же вынуждена импортировать энергоносители.

Таким образом, «сырьевые» надежды правящих элит новых государств пока оправдываются в минимальной степени, хотя по уже разведанным запасам различного минерального сырья регион является одним из богатейших в мире, но одновременно, едва ли, не самым труднодоступным. Пока в него идет в основном так называемый «авантюрный» капитал, склонный к хищнической эксплуатации месторождений. Его девизом является: «Быстрая и крупная прибыль при большом риске».

Вместе с тем, нельзя не видеть, что даже те ограниченные финансовые средства, которые получают правящие элиты от экспорта сырья, используются часто отнюдь не на цели экономического развития или социальные нужды. В частности, в Казахстане только первичные расходы по переводу столицы из Алма-Аты в Астану (б. Акмолинск) составили 10 млрд долл. Во всех городах Туркменистана возведены мемориалы и многочисленные статуи Туркменбаши (президента страны С.Ниязова). Тут явно просматривается подражание сталинскому стилю монументальной пропаганды, то есть возведение огромного количества памятников самому себе.

В условиях крайне тяжелого социально-экономического положения эти и другие действия «вождей», направленные на увековечение режима их личной власти и ее возвеличивание, не могут не вызывать все более серьезного массового недовольства, что укрепляет оппозицию, причем не

столько исламскую, а тем более, демократическую, которая организационно слаба и не имеет признанных лидеров, сколько бюрократическую.

Дело в том, что местная бюрократия очень строго делится на земляческие и субэтнические группировки, опирающиеся на традиционно общинно-клановые, а в Казахстане, Киргизии и Туркменистане и на племенные структуры. Эти группировки обладают высокой неформальной автономией, чрезвычайно устойчивы и жизнеспособны. Лидеры ведущих кланов, входящих в группировку, образуют бюрократическую клику, контролирующую определенную территориальную единицу.

«Вождь», являясь выходцем из одной определенной группировки, склонен опираться преимущественно на нее, не без оснований рассчитывая на личную преданность. Соответствующим образом складывается и система распределения власти и ресурсов. В момент прихода к власти будущей «вождь» стремится сделать эту систему, хотя и асимметричной, не более или менее сбалансированной. Однако по мере укрепления своих позиций он и его группировка пытаются сконцентрировать власть и ресурсы в своих руках, что вызывает сопротивление дискриминируемых группировок. Они активно используют при этом демократическую риторику, полагая добиться поддержки Запада.

В известной мере их расчет оправдывается, поскольку Запад постоянно критиковал «вождей» за несоблюдение прав человека, фальсификацию выборов, необоснованные репрессии и т.п. Регулярно приезжавшие в регион миссии ОБСЕ, как правило, констатировали отсутствие демократических норм. Со второй половины 1990-х гг. все более настойчиво стали выдвигаться обвинения в коррупции, неэффективном использовании западных займов и кредитов. Резко сокращается активность международных финансовых институтов. 2 декабря 2000 г. Палата представителей Конгресса США приняла резолюцию № 397, в которой все государства региона обвиняются в «неприкрытом, грубом и непоправимом нарушении своих обязательств перед ОБСЕ в области прав человека, демократии и верховенства закона». В резолюции в связи с этим рекомендуется поставить вопрос об исключении центрально-азиатских государств из ОБСЕ.

События 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ними антитеррористическая операция США, к которой государства Центральной Азии присоединились, несколько снизили напряженность в отношениях с Западом. Администрация Буша даже оказала им крупную финансовую помощь, но вряд ли она будет бесконтрольной и не связанной с политическими условиями. Среди них ключевым является демократизация, поскольку без нее, как убеждены на Западе, выход стран региона из социально-экономического тупика невозможен, а следовательно, невозможно и понижение уровня его потенциальной конфликтности. Будучи объективно не в состоянии выполнить это условие Запада, «вожди» вынуждены прибегать к политическому маневрированию, одним из основных приемов которого является создание чисто декоративной многопартийности и «конструктивной» оппозиции. Например, в Узбекистане наряду с правящей народно-демократической партией (преемницей коммунистической

партии) по инициативе президента создано еще пять политических партий. О какой-либо реальной их оппозиционности говорить нет смысла.

Исключение является в этом отношении Таджикистан, но там оппозиционной является партия исламского возрождения, то есть исламисты, цель которых — создание теократической государственности, а следовательно, политического режима тоталитарного образца.

Во всех других новых государствах законодательно запрещено создание любых политических партий и организаций на религиозной основе. В этой связи нельзя не отметить, что в вышеупомянутой резолюции Палаты представителей этот запрет оценивается негативно, так как ведет «к усилению этой внутренней и внешней угрозы». В свете событий 11 сентября 2001 г. данное утверждение выглядит весьма сомнительно, но оно отражает общее умонастроение не только американской, но и всей западной общественности.

Насколько серьезно эти события повлияли на данные умонастроения, сказать достаточно сложно. Несомненны лишь некоторые подвиги в позиции США по отношению к центрально-азиатским режимам, но они носят конъюнктурный характер и ничего не меняют по существу, ибо требование соблюдения прав человека и демократизации остаются неизменными. В рамках «нового мирового порядка», на ускорение создания которого по существу и направлена антитеррористическая операция, центрально-азиатские автократические режимы в принципе не вписываются.

Соответственно, им трудно рассчитывать на получение от Запада крупной экономической помощи. Это относится даже к Киргизии, которая до последнего времени считалась «островком демократии» в регионе. Между тем, именно сейчас такая помощь странам Центральной Азии особенно необходима, так как наступает критический момент в той борьбе за выживание, которую они вели на протяжении первого десятилетия своего независимого существования. Из них только Узбекистан более или менее успешно вел эту борьбу. Таджикистан ее бесповоротно проиграл. Что касается трех других стран, то шансов на успех у них остается не так уж много.

Дело в том, что прошедшее десятилетие для всех этих стран было своего рода «инкубационным периодом», так как они пользовались тем технико-экономическим потенциалом, который был создан в советское время. Он уже практически исчерпан. В первую очередь это относится к инфраструктуре и особенно к оросительной системе, которая является жизненно важной для всего южного региона.

Ее состояние быстро ухудшается. Засуха 2000 года показала, что управление ею как единым водохозяйственным комплексом уже потеряно. Дальнейшая ее деградация грозит самыми тяжелыми последствиями. Ее модернизация требует огромных средств и координированных усилий всех государств региона, чего, несмотря на многочисленные соглашения добиться, не удастся. Рассчитывать на привлечение иностранного капитала нереалистично, так как быстрой и крупной прибыли это не сулит.

Остается единственная надежда на «сырьевые» доходы, но пока их размер относительно невелик, а главное, перспективы их заметного роста становятся все более проблематичными. У Казахстана они уже подходят

к максимальной черте. Только для Туркменистана их серьезный рост в принципе реален, но для этого требуются очень крупные инвестиции в газовую инфраструктуру. Все попытки президента С.Ниязова решить эту проблему значимых результатов не дали. Нет оснований полагать, что он сможет это сделать в ближайшее время.

Подводя итоги десятилетнему независимому развитию государств Центральной Азии, нельзя не прийти к выводу, что так и не удалось преодолеть глубокий социально-экономический кризис, вызванный распадом СССР. Соответственно, нет смысла говорить о создании ими более или менее надежной экономической основы их независимого существования.